РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА

N 10 ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО 1992

Издается при содействии Всероссийского биржевого банка

СОДЕРЖАНИЕ

Биоэтика: проблемы, трудности, перспективы (Материалы "круглого стола"). Выступили: **А.П. Огурцов, И.Т. Фролов, С.Я. Долецкий, А.П. Громов, А.М. Гурвич, А.Я. Иванюшкин, В.А. Тихоненко, Р.В. Коротких, Г.А. Скрябнев, Л.В. Коновалова, Б.Г. Юдин, С.М. Малков, П.Д. Тищенко** 3

Философия, наука, общество

К. Поппер – Нищета историцизма (окончание)..... 29
А.М. Руткевич – Спор о позитивизме в немецкой социологии 59
К. Поппер – Логика социальных наук..... 65
Т.В. Адорно – К логике социальных наук..... 76

Научные сообщения

Развитие научных и гуманистических оснований философии: итоги и перспективы 87
Дж. Лакс – О плюрализме человеческой природы..... 103

Из истории отечественной философской мысли

С.С. Хоружий – Арьергардный бой. Мысль и миф Алексея Лосева..... 112
В.В. Бибихин – Из рассказов А.Ф. Лосева 139
С.Н. Булгаков – Неопубликованные письма к В.В. Розанову (предисловие к публикации М.А. Колерова) 147

Критика и библиография

Д.Е. Фурман – К.М. Кантор. История против прогресса 158
Наши авторы 160

МОСКВА • «НАУКА» • 1992

Неопубликованные письма С.Н. Булгакова к В.В. Розанову

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

В то время, как глубинные основы России, дробясь в противоречиях, приближали ее к катастрофе, русская культура начала XX века пережила воистину "золотой век" художественного и интеллектуального разнообразия и духовного единства, в котором ныне — наша надежда на возрождение. Чем острее становился социально-политический конфликт, тем яснее осознавалась высшая ценность национальной культуры. Вчерашние противники, не отказываясь от разногласий, объединялись в борьбе не *против*, а *за*. Собирались в Ковчеге, ища спасения.

Так было и в жизни Василия Васильевича Розанова (1856—1919) и Сергея Николаевича Булгакова (1871—1944). Из XIX века первый пришел неортодоксальным монархистом, второй — "критическим марксистом". Но то были лишь функции, налагаемые обществом на своих выдающихся членов, вся дальнейшая деятельность которых состояла поначалу в самостоятельном осмыслении возложенной на них роли, а затем — в освобождении от дурного умысла пьесы, грозившей ужасным финалом.

Их жизнь прошла почти друг при друге. В конце 1880-х годов в Елецкой гимназии сталкивались темпераменты: учительский, "репрессивный" — В.В. Розанова и ученический, "писаревско-нигилистический" — С.Н. Булгакова[1]. В начале 1900-х житейское противостояние уменьшилось: духовно-общественный кризис диктовал пересмотр "боевых" принципов. Основой потенциального сближения антагонистов стало их обращение к религиозным проблемам мира и интеллигенции. Булгаков задумался над высшей санкцией интеллигентской борьбы за политическое освобождение и заложил первый камень в фундамент своего "христианского социализма". Выступая в конце 1901 года в Религиозно-философских собраниях, Розанов отметил "серьезные искания" в демократической среде и, надеясь на ее путь к религии, признался: «"Культурные" люди, как только теряли связь с интеллигенцией, теряли тем самым значение»[2]. Но союз "культуры" и "общественности" пока оставался задачей. На пути их взаимопересечения лежала злободневная политика. Планируя создание общественного журнала "Вопросы Жизни" в союзе с коллегами Розанова по Собраниям, группа Булгакова особо оговорила его исключение из числа участников. Для репутации отъявленного реакционера Розанову было достаточно уже одного только его сотрудничества в "Новом Времени". Но, в конечном счете, именно программа булгаковских "Вопросов Жизни"[3], требовавшая политического освобождения с последующим преобразованием общества на христианских началах любви и справедливости, построенная на идеях Владимира Соловьева о "христианской политике", послужила поводом к сближению с Розановым. Булгаков начал публиковать адресованные Розанову письма Вл. Соловьева. В этом проявились новые приоритеты, "перемена жиз-

ненных перспектив и связанных с нею переоценок", апогеем которых стал Манифест 17 октября 1905 года. Дарованные им политические свободы выдвинули теперь уже, в первую очередь, творческие задачи их утверждения не только в общественной, но и в духовной жизни России. Обращение к универсальным принципам культуры обязывало с должным "консерватизмом" отнестись ко всем ее завоеваниям и отвлечься от сугубо партийных оценок. "Политика уже не может быть для нас религией", — заключал Булгаков, а религиозное устроение жизни неизбежно сталкивало "христианских политиков" с официальной церковью, монополизировавшею вопросы совести и поставившею ценности православия на службу деспотическому государству. И в отстаивании свободы совести Розанов-публицист, критик церковного бюрократизма, мог оказать неизмеримую помощь. Но Розанов странным образом качнулся "влево", и в 1906 году Булгаков с недоумением отмечал перемену ролей. Позже было еще не одно внешнее "колебание" Розанова, но тот момент "засветил" некоторые сущностные характеристики его миросозерцания, которые, несмотря на дальнейшее сотрудничество, позволяли Булгакову говорить: "Религия Ваша — не моя религия".

Розанов писал: «"Добро" *Я* заключено <...> в противоборстве всему, а "зло" *Я* заключено в слабости, в уступчивости». Новозаветное, "слабое" добро строит "мораль", но не дает *"лица"*. Следовательно, необходимо отыскать "лицу" тот космос, который, будучи сакральным, как новозаветный, не понуждал бы к "слабости". И Розанов отыскивает его в Ветхом Завете, в освящении того, что "внизу". И тем самым избегает «давления *морального закона* там, где его в общем не может быть, так как вся-то область эта — *биологическая*, и *не* "моральная", и *не анти*-"моральная", а просто — *своя*, "другая"»[4]. Обращаясь к "темному", "инстинктивному", живому, Розанов борется с рационализмом (который "ощущает себя оскорбленным действительностью"), диктатом идеала, созвучного холодному, мертвящему свету луны[5]. И в этом, казалось бы, мог с ним согласиться Булгаков, сделав важную оговорку: не всякий идеал мертвенен, но лишь тот, что ограничен посюсторонним, эмпирическим, что лишен действительных начал единого и живого, которые лежат в трансцендентном. Но розановский теизм, утверждаемый им языческий культ Солнца, неизбежно входит и в пределы языческого сексуализма, родового понимания любви. Свет Отца, породившего мир, затмевается для него слепящим, темным сиянием лика Христа: органичное, полноценное бытие Ветхого Завета — ограничением, аномалией Нового. Сексуальное, половое — бесполым. "Самый *дух* имеет пол, и духовные явления <...> явно распадаются на мужские и женские". Язычество для Розанова — утверждение земной жизни, в то время как "христианство есть полная безнадежность о всем земном!"[6] Отсюда у Розанова: обожествление семьи и культ коитуса, внимание к иудаизму и исследование его "отношения к крови". Отсюда — обвинения Булгакову, Флоренскому и их кружку, в итоге — мстящие в Соловьева, в том, что они "все время думают, чувствуют и говорят о церкви, о христианстве, ничего не сказали и, главное, не скажут и потом ничего о браке, семье, о поле"[7].

Прежний сотрудник Розанова по монархическим "Московским Ведомостям" Л.А. Тихомиров однажды проговорился ему о причинах отчуждения от Розанова даже его политических единомышленников. Он иронизировал: "Земля, господине, такая: не вмещает здорового таланта, тянет ее к революции да клубничке, да смеси революции с клубничкой"[8].

Соловьевцы: Булгаков и иже с ним не отмахиваются от антипода. Еще в "Вопросах Жизни" Булгаков писал: "В настоящее время возвышенная и чистая мистика пола, которая неразрывно связана у Соловьева с аскетической (конечно, в широком смысле) моралью, призвана сыграть особенно важную роль ввиду того, что как раз теперь к проблеме пола привлечено такое исключительное внимание Розановым, разрешающим ее в какой-то фаллический апофеоз. <...> Не может одновременно царить в душе притягательная сила фаллической бездны и неземная красота горнего света. Здесь незасыпаемая пропасть"[9]. Если мы и не найдем у Булгакова специального исследования половой любви, то уж во всяком случае претензии Розанова к Соловьеву неосновательны: в соловьевском наследии есть "Смысл любви". Согласно ему, "половая любовь есть высший расцвет *индивидуальной* жизни", и посему исходя из эмпирии, из биологии, нельзя обосновать безусловной ценности объекта любви, — в них нет "истинной любви". Но соловьевское видение проблемы не уничтожает и "биологию": любая крайность,

противопоставление духовного и физического — "есть аномалия". Поэтому преодоление внешнего опыта, углубление любви он находит не в "отвлеченных принципах", а в *другом опыте — "опыте веры"*[10]. Опровергаемое Розановым христианство дает действительное оправдание и содержание любви, как *человеческого,* не отступаясь от *пола*, а возвышаясь над ним. Булгаков утверждает не "вне-польность", а "сверх-сексуальность" христианства. Флоренский (в записи Розанова) вторит ему: "Христианство и *не за* пол, и *не против* пола, а перенесло человека совершенно в *другую плоскость*"[11].

Устанавливаемые Розановым принципы не могут стать противовесом принципам Булгакова просто потому, что не вступают в прямое с ними столкновение, а действительно толкуют о "другом". Самое печальное может оказаться в том, что толкуют они не о человеке, или — о *другом* человеке, а о его *другой* жизни. Письмам Булгакова Розанов предпосылает такую заметку: «При великолепной пользе, есть что-то сухое и "не нашенское" в нем. "Чем выше я его ценю, тем менее я его люблю". А м<ожет> б<ыть>, это оттого, что я червь?»[12].

Оставим прошлому решать тонкости взаимоотношений этих людей. Они преодолели главное в своем времени: немоту сознания, окружившую "Крейцерову сонату", безъязыкость мысли, встретившую "В чем моя вера?" Они сделали разнообразный опыт личности предметом не только общего обсуждения, но и индивидуального выбора. Лишь нарастающий кризис остановил движение общества недалеко от арцыбашевского "Санина". И нам следует прервать паузу, в которой остались живыми вопрошателями — Булгаков и Розанов.

Письма печатаются по автографам: N 1—5: ОР РГБ. Ф. 249. М 3823. Ед. хр. 7. Л. 3—14; N 6: ОР РГБ. Ф. 249. М 4215. Ед.хр. 3. Л. 2.

Примечания

[1] Об этом см. опубликованные мною автобиографические письма С.Н. Булгакова (Логос. 1991. N 2.), одно из которых адресовано В.В. Розанову.

[2] Новый Путь. 1903. N 1. Приложение. С. 30, 56.

[3] Об этом подробно: *Колеров М.А.* "Вопросы Жизни": история и содержание // Логос. 1991. N 2.

[4] *Розанов В.В.* Люди лунного света. СПб., 1911. С. 30, 31, 34.

[5] Там же. С. 7, прим. 2.

[6] *Розанов В.В.* Темный Лик. Метафизика христианства // Его же. Сочинения в 2 т. (Приложение к журналу "Вопросы философии"). Т. 1. М., 1990. С. 374.

[7] *Розанов В.В.* Опавшие листья. Короб второй // Его же. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 328.

[8] ОР РГБ. Ф. 249. М 3873. Ед. хр. 2. Л. 12 об.

[9] *Булгаков С.* Без плана // Вопросы Жизни. 1905. N 2. С. 366—367.

[10] *Соловьев В.С.* Смысл любви // Его же. Сочинения в 2 т Т. 2. М., 1990. С. 501, 531, 529, 537.

[11] *Розанов В.В.* Опавшие листья. Короб второй. С.312.

[12] ОР РГБ. Ф. 249. М 4215. Ед. хр. 3. Л. 1.

М.А. Колеров

* * *

1

Киев. Б. Житомирская, 26
21.III.06.

Добрейший Василий Васильевич! Начинаю это письмо с извинения пред Вами, что в дек<абрьскую> кн<ижку> "В<опросов> Ж<изни>" не попало окончание Вашей статьи[1]. Это произошло не только помимо моего ведома, но и к искреннему моему огорчению, — дать окончание начатых статей, и в том числе Вашей, было для меня мотивом, по которому я особенно настаивал на необходимости выхода 12-ой кн. Приступая вместе с Волжским[2] к опыту издания ежедневной религ.-общественной газеты в Киеве[3], мы

просили бы Вас уступить нам статью Вашу об Иисусе etc.[4], оттиск к<ото>рой у меня есть. В случае Вашего согласия статья эта будет анонсирована в первом (пасхальном) номере. Кроме того, если Вы признаете возможным придать вид внешней законченности и самостоятельного целого (хотя в какой-л<ибо> степени) окончанию статьи о письмах Соловьева[5], то и она может найти себе приют на наших страницах.

Жму Вашу руку. Передайте мой привет В<арваре> Дм<итриевне>[6], которой желаю восстановления здоровья, — слышал об ее болезни.

Ваш. С. Булгаков.
Обяжете скорым ответом.

2

Москва, Б. Афанас. пер.,
д. 22, кв. 12.
<1911>

Дорогой Василий Васильевич!

Спасибо Вам за память и за книгу Вашу[7]; большую часть ее я уже знал раньше, а теперь многое перечитал. Эта книга с необыкновенной, совершенно исключительной религиозной музыкальностью, она способна открывать глаза на религию слепым к ней. Но религия Ваша — не моя религия, и мое сердце, больное не только личною болью, но, думается, и мировою, неотразимо влечется к Распятому и Распинающемуся, Коего Вы в книге своей гоните, — за то, что от Него будто бы тень упала на мир и на жизнь, что светлый ветхозаветный мир Им упразднен[8]. Но этого беспечального мира и нет и не было, иначе как на короткие мгновения или для жизненной наивности. Трещина — в самом мире и в человеческом сердце, да и в ветхозаветном тоже. Она в *Иове* и в *Экклезиасте,* в *Псалмах* и в *пророках* нет этой, Вами рисуемой, идиллии. И эта тень, падающая на мир, так страшна, трещина в сердцах так глубока, трагедия так раздирающа, что от всего этого ужасного стенала и отчаивалась самая чуткая часть и древнего (Ананке, Мойры)[9], и ветхозаветного, и восточного ч<еловече>ства. И мир принять и в его преображение поверить, и принять Бога, этот мир создавшего и искажение его злом в предвечном плане попустившего, можно, только принимая вместе, что в том же предвечном плане решена была и Голгофа, и "тако возлюби Бог мир, что и Сына Единородного не пожалел"[10], и жертвенная решимость Сына. Чем больше живу, "мыслю и страдаю"[11], тем яснее вижу сердцем и умом, что вне Христа, любящего и распинающегося (чего Вы в Нем не хотите видеть, упорно подчеркивая только "сладость" Его, — да, Он и сладчайший для Его возлюбившего), мир "не сто́ит безумной муки", вернее, не может сам за себя постоять, и все летит вверх тормашками. Я не монах, к<ото>рых Вы так не любите (хотя в сердце каждого христианина есть частица монаха), я люблю своих близких, друзей, Россию, но *темного лика* мира, точнее мирового зла, вливающегося в душу, не могу преодолеть иначе как взирая на *светлый и благостный Лик.* И Вы *темный лик* увидали не там, где он есть. Мне кажется, что и Вы сами, когда для Вас показывался "иной берег", чувствовали, как колеблется почва "мира" под ногами и Ваш полусочиненный "ветхозаветный мир" оказывается призраком. Мир есть мир благого Отца, но и Распятого в нем Сына. — Все это пишу не для возражения или переубеждения Вас, но по искренности и внутреннему вниманию к мысли Вашей, в знак благодарности за книгу. Если удастся, б.м., затрону этот

вопрос в журнале[12]. На днях беседовал о Вас с Вашим поклонником, а вместе и антагонистом П.А. Флоренским[13].

Желаю доброго здоровья Варв. Дм. или, по крайней мере, поправления и кланяюсь ей. Ваш С. Булгаков.

3

Москва, Б. Афанасьевский пер., д. 22, кв. 12.
11.IV. 12.

Дорогой Василий Васильевич!

До сих пор не мог поблагодарить Вас за присылку Вашей книжки[14] и за дружественную надпись (хотя и немного фантастическую: "эс-эром" никогда не бывал, ни политически, ни психологически, — был "эс-деком"[15], а это разница). Причина моего молчания крайне житейская, но именно потому самая реальная: была больна дочь[16] дифтеритом, и я не мог писать никому, пока не кончился срок карантина. "Из *глубины* воззвах к Тебе, Господи!"[17] И в этой глубине я провел и Страстную и Пасху. Сами знаете, как это бывает!..

В уединении своем прочел я и "уединенную" книжку Вашу, которая, действительно, "на правах рукописи", и даже странно представить себе ее продающеюся в магазинах: "цена столько-то". Изобретение Гуттенберга не всегда годится. Но тем интереснее Ваша книжка для Вас знающих, и чем интимнее, тем интереснее, поучительнее, жизненнее. Конечно, мне особенно близка вторая ее половина[18]. Вы знаете, я не нахожу аромата в обостренном сексуализме, "микве"[19]. Это не отрицание пола, напротив, из признания святости пола, "тайны во Христа и во Церковь", для меня вытекает чувство отравленности сексуализма: "в беззакониях зачат есмь и во гресех роди мя мати моя"[20]. И сексуализм фаллический несет в себе естественное, природное проклятие, это "огнь неугасающий" и "червь неусыпающий". И это несмотря на святыню детскости, которою лишь освящается и искупается сексуальность. И это чувство было и в Ветхом Завете, а не только в Новом. Не думаю убедить Вас, но каждый вынашивает в жизни свою "половую" мудрость...

Ваше письмо "путникам из *Пути*"[21] стало мне известно, по указанным причинам, тоже только недавно. Редакционный комитет *Пути*[22] деловым образом его не обсуждал, но только Вы совершенно напрасно сочли себя обойденным *Путем*: ведь это не журнал, к<ото>рый приглашает себе сотрудников, а повести с Вами переговоры не было случая. Мы надеемся иметь Вас, если Вы согласитесь, участником одного из наших сборников[23] (быть мож<ет>, о русских мыслителях — кстати, не имеете ли Вы кого-л<ибо>, о ком Вам особенно хотелось бы написать, — я с ревнивой завистью читал Ваш очерк о Леонтьеве[24], — очень хорошо!). Что же касается книг, о к<ото>рых Вы говорите, то их, во-первых, надо перечитать, во-вторых, и в случае принятия им долго бы пришлось ждать издательской очереди, ибо средства наши ограниченны, а очередь длинна. Но, повторяю, это — вопрос открытый. Желаю Вам всего[25]

Привет Варваре Дм<итриевне>, если она меня помнит. Вы мне сделали слишком много чести, приписав мне "катонство", увы! Его нет.

С. Булгаков.

4

30.XII.12. Москва. Зубовский бульв.
15.

Дорогой Василий Васильевич!

Поздравляю Вас с новым годом (и, б.м., со днем Ангела?) и желаю Вам мира, тишины и ясности ("на свете счастья нет, а есть покой и воля")[26]. Слышу все время о тяжелой болезни В. Дм., от души желаю ей выздоровления, а вместе с нею и Вам, — не знаю, кто больше болен, — болящий или близкий к нему — изведал это по опыту[27]. Передайте В. Дм. мои поздравления и благожелания.

Благодарю Вас за книжку и записочку, которая меня оч. тронула. Признаться сказать, я совершенно забыл о своем разговоре с Вами о Суворине[28] (как Вы забыли споры наши за уроками в Елецкой гимназии)[29]. Между им и теперешним моментом стоят не только 10 лет жизненного опыта, но и 1905—7 год, — это несколько жизней. И поэтому то, что было раньше, надо просто забыть. Дело здесь не в впечатлительности, ибо у кого ее нет, — разве Вы сами в 1905—7 гг. не капитулировали, и притом непостижимым для меня образом, пред "левизной" и не разъясняли, "почему левые побеждают[30]?" — но в перемене жизненных перспектив и связанных с нею переоценок.

Что касается Суворина, то уже после смерти его я, имея живейший интерес к его личности, и именно в том смысле, как Вы ее растолковываете, и еще больше письма его, нарочно достал все номера "Н<ового> Вр<емени>", где было что-н<ибудь> о нем, читал и Ваши статьи тогда же[31], перечел и теперь с живейшим интересом. И, конечно, я не слеп, чтобы не видеть подлинные жемчужины-"черточки", рассеянные в его письмах к Вам[32], и слишком хорошо знаю среду литературно-ученую, к к<ото>рой внешне принадлежу, но внутренно чужд больше, я думаю, чем всякому иному русскому сословию, чтобы иметь материал для сравнения. То, что в нем Вы указываете, очевидно и несомненно в нем было, и это делает для меня понятной как личную Вашу привязанность, так и такого человека, как Чехов. Но не скрою, что и при этом он, со всеми своими созданиями, мне чужд. Считайте это узостью или пуризмом, как хотите, но мне это *"и"* (*и* газета, *и* театр, *и* магазин, *и* справ<очные> издания, и одно другое тащит) претит, это не многострунность, но многоделание, это если и мудрость, то житейская, и в этом смысле, как ни парадоксально, самым талантливым замыслом С<уворина> были "вся Россия", "Москва", "Спб"[33]. И *тон* "Н. Вр.", как "парламента мнений" (хотя уважение С. к личности и требование искренности есть черта высокая), где опять одно тащит другое, мне чужд как программа. Должен оговориться, что я вообще не люблю газеты и, как читатель, нахожу "Н. Вр." одною из интереснейших, если не прямо интереснейшей, а все-таки чище на душе, когда поменьше читаешь газеты и *газету*. (Говорю <об> этом Вам, п.ч. Вы ведь не газетный писатель, хоть и пишете в газетах, да и, кроме того, пишу не как к писателю, а как человек к ч<елове>ку.)

Вот не знаю, удовлетворил ли Вас. Во всяком случае мир праху его! Цветкова[34] сейчас в Москве нет, он на Кавказе.

Случайно или же из тенденциозного предубеждения, конечно, несравненно более неосновательного, чем о Суворине, я не имею от Вас книги "Люди лунного света"?[35]. Я спрашиваю об этом не потому, чтобы хотел иметь книгу даром, я ее купил еще в первом издании и прочел почти не отрываясь. Я глубоко несогласен с толкованием Христианства, нахожу, что отдельные черты, делающие эту книгу безвредной лишь для взрослых и женатых, также могли бы в ней отсутствовать, но по мысли я считаю

эту книгу самым центральным и значительным из всего Вами написанного, как Вы и сами, конечно, считаете. Посылаю Вам маленькую заметку о выборах, она так мала, что и Вы можете прочесть, она дает изображение того, что у меня на душе о России. Всего Вам доброго. Жму Вам руку. Ваш С. Булгаков.

P.S. Еще: зачем Вы так ругаетесь в примечаниях: "дурак Рубакин"[36], — да если он и вправду дурак, то ведь это "обижает именно лицо человека", что Вы так строго и справедливо осуждаете. И затем, не смешивайте Вы Струве[37] со всей этой компанией, ибо он, хотя и доктринер несколько, но человек благородный и любящий Россию так, как ее следует любить. Поверьте мне, я знаю его более 15 лет[38] и ни разу в нем не колебался.

5

Москва. Зубовский бульв. 15, кв. 11.

Дорогой Василий Васильевич!

Спасибо Вам за книги и еще больше за дружеское письмо с печальной повестью о скорбях Ваших. Кое-что я знал и раньше от общих друзей, хотя и не во всех подробностях, Вами теперь сообщаемых. Какое горе! Я могу себе представить, что Вы переживали и что теперь у Вас на душе, п.ч. хотя не был в Вашем положении, но знаю, что значит страдать за близких. И в самых тяжелых, а вместе и самых серьезных случаях жизни никто не может помочь, только сам человек, насколько услышит в душе Бога, может утвердиться в Нем. Это не мораль и не гомилетика, а хоть немножко, но жизненный опыт. Если будете писать, то не забывайте извещать о здоровье В. Дм., к<ото>рой прошу передать сердечный привет. При свете Вашего письма многие страницы из "Уединенного" как будто наливаются слезами...

Вполне схожусь с Вами в оценке московской молодежи. Фактически Вы не правы, приписывая все влиянию о. Павла; напр., на Андреева[39] не меньше, а, пожалуй, больше было влияние М.А. Новоселова[40]. Но от этого сам о. Павел не становится меньше, вообще это совершенно единственный в своем роде человек, и не знаю даже, что сильнее во мне: любовь или уважение, смешанное с удивлением. Это, бесспорно, один из тех, о ком история будет писать "жизнеописание", если не "житие", причем все в нем будет казаться естественным, логичным, само собою разумеющимся, так, как нам кажется естественным, что Платон вел жизнь Платона, а не дюжинного грека, какой жили "все", или Савонарола шел путем Савонаролы, а не остался рядовым феррарским дворянином[41]. Это, несомненно, так. Дай Бог ему здоровья, а прочее приложится! Цветкова я очень люблю, но думается, что Вы преувеличиваете его литературную, так сказать, глубину, хотя письма его хороши. Он одарен каким-то безошибочным инстинктом (я его раз Алешей Карамазовым назвал!), однако инстинкт есть необходимая, но темная, подсознательная основа таланта. В одних отношениях он совсем взрослый и понимает все, а в других все-таки желторотый мальчик, эта двойственность в нем поражает. Я считаю, что его надо беречь и, между прочим, от похвал, и, пожалуй, до времени и от литературы, а особенно от газеты, в этом я с Вами не схожусь и даже просто боюсь, как бы при преждевременном вычерпывании дно не обнажилось раньше, чем думали. Пусть зреет в ти-

шине! И все-таки, смотря на этих юных, которые уже нашли свой путь и суть уже люди с "обрезанным сердцем", посвященным Богу, и когда вспоминаешь всю муть и неясность своей собственной души в этот возраст, то становится и завидно, и радостно. Прошлое неистребимо, ибо оно есть всегда в нас, есть и наше настоящее, и это — мы сами. Отдельные ласточки хороши, но все состояние России ужасно: чем больше живу, тем больше ноет, болит душа за Россию: устоит ли? не загниет ли от всех ядов, которыми отравлена? Страшное время мы живем. Или уж всякое время по-своему страшно (а по-своему и радостно) для своих современников?

Читал приложения к "Людям лун<ного> света" и по этому поводу опять думал о Ваших идеях. Что в них содержится ключ, открывающий страшно многое, в этом постоянно убеждаешься в жизни. Но что приравнивание пола сексуальности совершенно ложно, ибо сексуальность есть лишь выражение пола, в известном смысле его болезненная маска, это для меня тоже несомненно, и чувства непосредственной праведности сексуальности нет не только у имярека, но и ни у кого, ибо, как сами Вы говорите, нет чистых половых типов, и во всяком самце или самке, заслуживающих за свою половую мощь 5+, все же вкраплен хотя маленький скептический минус "ино-польности", стыд своего пола. И в этом — чувство не-абсолютности, неокончательности сексуальности. Детскость и половое общение не одно и то же, а только неразрывно связаны, также и любовь хотя и ведет к нему, но тоже его чуждается: вспомните, как ужасна эта мысль для первой, глубокой и чистой любви (я до сих пор помню это чувство!). И христианство поэтому не внепольно, а лишь сверх-сексуально в своих высших устремлениях, но сексуальность не исчерпывает пола. И Ветхий Завет вовсе не так сексуален, как у Вас: вспомните: "в беззакониях зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя", — этот всечеловеческий вопль принадлежит ведь Давиду, а вовсе не "Урнингу"[42] какому-нибудь. И чем это отличается от христианской молитвы в чине очищения роженицы, где Церковь просит: "и не вмени ей греха сего", — ребенка берет, а грех отметает! Мы сотканы из противоречий, а Вы их хотите одолеть биологией! И разве величайшие ветхозаветные пророки Илия и Иоанн не девственники? Разве когда Моисей ведет народ свой и всходит на Синай, вспоминаем мы о Сепфоре?[43] Но в то же время и эти, и другие подобные им святые не перестают быть мужчинами, разве природа их менее мужественна?

Ну, прощайте, Василий Васильевич, извините за запоздалый ответ, мне приходится вести слишком суетливый внешне образ жизни и написать письмо не всегда досужно.

Еще раз желаю Вам благополучия и жму руку. Ваш С. Булгаков.

6

Москва. Зубовский бульв., 15.
27 ноября 1914.

Дорогой Василий Васильевич!

Приношу Вам благодарность за присланную Вашу книжку о войне[44], во-первых, за добрую память, во-вторых, за благожелательную на меня ссылку, а в-третьих, и самое главное, за самую прекрасную книжку Вашу, которую я местами читал с волнением и восхищением. Это *истинно* русские чувства и слова, и любовь к народу и солдату, и понимание, и единственное по художественной силе выражение. Пишите побольше таких

статей, и помоги Вам Бог! Рекомендую для чтения своей семье и всем знакомым, как лакомство.

Всего Вам доброго. Привет Варв. Дм. Жму Вам руку. Ваш С. Булгаков.

Примечания

[1] *Розанов В.* Из старых писем. *Письма Влад. Серг. Соловьева* // Вопросы Жизни. 1905. N 10—11. С. 377—390. В.В. Розанов, сотрудничавший в журнале "Новый Путь", при преобразовании его в "Вопросы Жизни" С.Н. Булгаковым и Н.А. Бердяевым был исключен из числа сотрудников как не соответствовавший их левой политической ориентации. Бердяев писал П.Б. Струве осенью 1904 года: "Розанов может быть совершенно устранен, так же как и некоторые другие подобные писатели" (*Бердяев Н.А.* Письма П.Б. и Н.А. Струве // Лица. Вып. 2). На публикацию статьи Розанова, вероятно, повлияло учреждение в марте 1905 года при ближайшем участии лидеров "Вопросов Жизни" Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева.

[2-3] *Александр Сергеевич Волжский* (настоящая фамилия Глинка, 1878—1940) — критик, публицист, литературовед, сотрудник "Нового Пути" и "Вопросов Жизни" (например, статья "Мистический пантеизм В.В. Розанова"). После выхода в свет сборника С.Н. Булгакова "От марксизма к идеализму" (СПб., 1903) выступил с сочувственным откликом в "Журнале для всех (1903, N 12: "Литературные отголоски. По поводу книги г. Булгакова"), вызвавшим протест В.В. Вересаева, Л.Н. Андреева, А.С. Серафимовича и др., ориентированных на атеистический социализм, что повлекло разрыв А.С. Волжского с этой средой. В 1905 году — член "Христианского Братства Борьбы", весной 1905-соредактор С.Н. Булгакова в органе „Братства" — киевской газете „Народ". В объявлении о предстоящем 2 апреля 1906 г. выходе газеты говорилось: «"*Народ*" ставит своей задачей всенародную религиозно-общественную проповедь. Исходя из идеалов вселенского христианства и, вместе с Владимиром Соловьевым, полагая, что христианская правда должна проникать не только в личную жизнь, но и область общественных отношений, мы будем отстаивать народную свободу, раскрывать неправду капиталистической эксплуатации и современных земельных отношений, а также настойчиво бороться против национальной вражды. Мы добиваемся преодоления недолжного отделения религии от жизни, унаследованного нами из предыдущей исторической эпохи, когда сложилась внерелигиозная и духовно мертвая общественность, а ей противополагалась лжехристианская проповедь человеконенавистничества, тупой реакции и насилия. Считая очередной задачей нашего времени создание христианской общественности, мы стремимся не только к литературному раскрытию ее идеалов, но и к творческой реализации их в жизни... Христианское возрождение требует не только внешней реформы церкви, но и углубления и прояснения религиозно-философского сознания, религиозного освещения запросов и нужд современной культуры». Среди сотрудников газеты были заявлены: ряд священников-обновленцев, С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, В.Я. Брюсов, А.Л. Волынский, М.О. Гершензон, В.В. Зеньковский, Вяч. Иванов, А.В. Карташев, Н.О. Лосский, Д.С. Мережковский, В.П. Свенцицкий, Ф.К. Сологуб, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, В.Ф. Эрн и др. Не позже 4 марта 1906 г. Булгаков писал Гершензону: "В Киеве возникает ежедневная христианская газета под моей редакцией (и Волжского), т. сказать Соловьевского и уж несомненно в общ.-полит. отношении самого прогрессивного направления, замышляется как орган всероссийский. <...> Над нами висит драконовская цензура, и лишь это омрачает перспективы" (ОР РГБ. Ф. 746. К. 29. Ед. хр. 23. ЛЛ. 36—37). По выходе семи номеров газета была закрыта властями.

[4] Возможно, имеется в виду оттиск статьи Розанова, предполагавшейся к включению в его сборник, запланированный к изданию в Берлине Д.Е. Жуковским и вышедший в Париже в 1906 году ("Русская церковь и другие статьи"). Один из оттисков статей сборника Розанов передал в "Полярную Звезду" П.Б. Струве (об этом см. письмо Розанова С.Л. Франку начала 1906 г.: ГПБ, АДП. Ф. 753. Ед. хр. 200), — в журнале он был опубликован с цензурными купюрами 3 февраля 1906 г. (Русская церковь— N 8. С. 524—540), полностью — в отдельном издании 1912 г.

[5] Окончание публикации писем В.С. Соловьева к Розанову (см. прим. 1) появилось в 1907 г. в журнале "Золотое Руно" (N 2—3) и в 1911 — в газете "Новое Время" (N 12619).

[6] *Варвара Дмитриевна Розанова* (урожд. Руднева, 1864—1923) — вторая жена Розанова.

[7] Имеется в виду книга "Темный лик. Метафизика христианства" СПб., 1911).

[8] См. Предисловие к "Темному лику".

[9] *Ананке* — в древнегреческой мифологии: божество необходимости: *Мойры* — дети Ананке, богини судьбы.

[10] Ин. 3:16.

[11] Из стихотворения А.С. Пушкина "Элегия" (1830).

[12] См.: *Булгаков С.Н.* Христианство и мифология // Его же. Тихие думы. Из статей 1911—15 гг. М., 1918. С. 175—202 (впервые: Русская Мысль. 1911. N 11).

[13] *Павел Александрович Флоренский* (1882—1937) — в течение ряда лет был близок Булгакову, оказал известное влияние на философское миросозерцание Булгакова, в 1918 г. стал его духовным отцом. (См.: *Булгаков С.Н.* Священник о. Павел Флоренский // Философская и социологическая мысль. Киев. 1990. N 4. С. 103—108.) В 1918—1919 гг. принял близкое участие в судьбе Розанова, присутствовал при его кончине.

[14] Вероятно, имеется в виду книга Розанова "О подразумеваемом смысле нашей монархии" (СПб., 1912).

[15] Булгаков был марксистом и, следовательно, социал-демократом в 1894—1900 гг.

[16] Мария Сергеевна Булгакова (1898—?).

[17] Пс. 129:1. Этот стих послужил источником названия сборника "Из глубины" (М., 1918), в котором принял участие Булгаков. Кроме того, его диалог 1922 года "У стен Херсониса" имеет подзаголовок "Jaltica. De Profundis".

[18] Имеются в виду книга Розанова "Уединенное" СПб., 1912) и ее подзаголовок: "Почти на правах рукописи". Слова: "действительно, "на правах рукописи" — вторая ее половина" — подчеркнуты Розановым; "Изобретение Гуттенберга не всегда годится" — дважды.

[19] *Миква* — купальня для омовения у иудеев. "Мы микву прямо можем рассматривать как *очищающее и разрешающее* сношения омовение, или, пожалуй, — как *освящение водою на сношения*" (*Розанов В.В.* Юдаизм // Новый Путь. 1903. N 8. С. 142).

[20] Пс. 50:7.

[21] *"Путь"* — московское религиозно-философское издательство. (1910—1916), основанное М.К. Морозовой при ближайшем участии Булгакова. Письмо Розанова "путникам из *Пути"* не обнаружено.

[22] В редакционный комитет "Пути" входили: Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, Г.А. Рачинский, Булгаков и др.

[23] В сборниках, вышедших в "Пути", работы Розанова не публиковались.

[24] См. статьи Розанова в "Новом Времени" за 1911 год: "Непризнанный ум. К.Н. Леонтьев" (N 12669), "К 20-летию кончины К.Н. Леонтьева" (N 12813), а также: *Розанов В.В.* Неузнанный феномен // Памяти К.Н. Леонтьева. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 163—184. Тогда же вышло отдельное издание.

[25] Далее лист обрезан.

[26] Из стихотворения А.С. Пушкина "Элегия" (1834).

[27] В 1897 г. Булгаков пережил тяжелые болезни и скоропостижные смерти двух братьев (см. об этом его письма М.О. Гершензону: ОР РГБ. Ф. 746. К. 29. Ед. хр. 22. Л. 2 и сл.).

[28] *Алексей Сергеевич Суворин* (1834—1912) — журналист, издатель (в том числе "Нового Времени" и книг Розанова).

[29-30] Булгаков учился в Елецкой гимназии в 1888—1890 гг., когда Розанов преподавал там географию. Об этом времени Булгаков напоминал Розанову и в 1915 г. (см.: Автобиографические письма С.Н. Булгакова // Логос. 1991. N 2). П.Б. Струве свидетельствовал еще об одном воспоминании философа в связи с Розановым. После ряда публикаций статей, вошедших позже в книгу "Когда начальство ушло" (СПб., 1910) Розанов выступил в Религиозно-философском обществе (Москва, 1906) с докладом: "Отчего левые побеждают центр и правых": "Присутствовавшие в этом собрании С.Н. Булгаков и я <Струве> возражали тогда же против этой, на наш взгляд совершенно некритической идеализации материалистического радикализма 60-х гг., преподносимой рядом с довольно грубым высмеиванием христианства. Булгаков в прениях заметил тогда Розанову, <...> что они поменялись ролями: когда-то Булгаков, будучи гимназистом, благоговел перед писаревщиной, <...> а Розанов стоял на почве идеализма; теперь же Булгакову, ставшему идеалистом, приходится возражать Розанову..." (Петр Струве. Patriotica. Сб. ст. СПб., 1911. С. 497). 8 апреля 1907 г. в Петербурге под председательством Булгакова состоялось заседание по подготовке открытия петербургского Религиозно-философского общества, в котором Розанов прочел доклад "Отчего падает христианство". Он вызвал подобную же реакцию присутствовавших: Н.А. Бердяев, например, говорил, что у Розанова "на склоне лет пробивается легкий пушок политического наивного радикализма" (Век. 15 апреля 1907. N 15. С. 208).

[31-32] См. статьи Розанова в "Новом Времени" за 1912 год: "А.С. Суворин" (N 13081), "Памяти А.С. Суворина (нечто личное)" (N 13083), "Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине" (N 13087). Статьи Розанова и корреспонденция Суворина были объединены в книге "Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову" (СПб., 1913)

[33] См. ежегодные издания А.С. Суворина: "Весь Петербург. Адресная и справочная книга г. СПетербурга" (с 1894); "Вся Москва..." (с 1895), а также: "Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации" (СПб., 1895—1902).

[34] *Сергей Алексеевич Цветков* (1888—1964) — журналист, в 1910-е гг.: друг Розанова, автор его библиографии (ОР РГБ. Ф. 249. К. 11. Ед. хр. 5—14; К. 12. Ед. хр. 1). В фонде Розанова хранится недатированная визитная карточка Булгакова с надписью: "Дорогой Василий Васильевич. Рекомендую Вам своего приятеля Сергея Александровича Цветкова, Вашего читателя и почитателя. Надеюсь, что знакомство с ним не будет для Вас неприятно. Ваш С. Булгаков" (Там же. М 3823. Ед. хр. 7. Л. 15).

[35] *Розанов В.В.* Люди лунного света. Метафизика христианства. СПб., 1911.

[36] *Николай Александрович Рубакин* (1862—1946) — писатель, журналист, исследователь чтения и книги. В 1890-е гг. — социал-демократ, секретарь издательства О.Н. Поповой, в котором редактором работал П.Б. Струве, сотрудничал в его журналах "Новое Слово" (1897) и "Русская Мысль" (1907).

[37] *Петр Бернгардович Струве* (1870—1944) — экономист, историк, философ, публицист, издатель. Отношения его с Розановым были историей сначала отталкиваний "консервативного" публициста от его "либерально-демократического" оппонента, а с 1906 г. — неприятия розановской политической "беспринципности" со стороны Струве. Но это не мешало Розанову сотрудничать в журналах Струве и отмечать: "Струве кой-что понял во мне, — и понял первый" (*Розанов В.В.* Мимолетное // Контекст. 1989. М., 1989. С. 201). Розановское "признание в любви" к Струве 1917 года см.: ОР РГБ. Ф. 249. К. 6. Ед. хр. 43. Подробнее об их взаимоотношениях: *Колеров М.А., Плотников Н.С.* Комментарий // *Струве П.Б.* Из духовного прошлого России. (В печати.)

[38] Булгаков познакомился со Струве, вероятно, в 1896 г., когда тот приезжал в Москву для организации марксистского органа вокруг издательства М.И. Водовозовой. Впоследствии Булгаков участвовал во всех предприятиях Струве: от социал-демократических до антиреволюционных, их знакомство не прекращалось и в эмиграции (надгробную речь Булгакова см. в книге: *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России. Париж, 1952).

[39] *Федор Константинович Андреев* (1887—1929) — доцент Московской Духовной Академии.

[40] *Михаил Александрович Новоселов* (1864—1940) — религиозный писатель, вокруг которого в 1900-е гг. существовал кружок православного духовенства и интеллигенции, в который входили Булгаков, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев и др.

[41] *Джироламо Савонарола* (1452—1498) — итальянский проповедник.

[42] См. главу о транссексуальной "Ученой девушке-урнинге" в Приложении к книге Розанова "Люди лунного света" (С. 227—260).

[43] *Сепфора* — в Ветхом Завете: дочь Иофора, одна из жен Моисея.

[44] *Розанов В.В.* В чаду войны. Спб., 1914. Ср.: *Булгаков С.Н.* Война и русское самосознание. М., 1915.

Публикация и примечания
М.А. Колерова